

УДК 1 (091)

ДМИТРИЙ ГАЛКОВСКИЙ: МЕТОД РОЗАНОВА

И.О. Масленников

Обнинский институт атомной энергетики – филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Обнинск, Калужская область

Данная статья представляет собой попытку разобраться в видении Д. Галковским философских воззрений и методологии В.В Розанова, установить причины его устойчивого интереса именно к этому неординарному мыслителю Серебряного века, а также степень его соответствия взглядам и творческим подходам Розанова в своём творчестве.

Ключевые слова: Д Галковский, В Розанов, русская философия, литература, Серебряный век русской культуры, постмодернизм.

Бесспорно, что «Бесконечный тупик» – это произведение, которое принесло Дмитрию Галковскому славу, известность и определённую репутацию и которое до сих пор остаётся самым важным и значимым его творением. Бесспорно также и то, что без В.В Розанова оно бы вообще не состоялось; каноническая версия о докладе для подпольного кружка, из которого позднее вышли основной текст, примечания к нему и «Закруглённый мир», подтверждается самим текстом вполне однозначно. Конечно, характерные признаки постмодернизма угадываются в данном философском романе безошибочно, но не только этим он интересен. Одновременно это и признание в любви к Розанову, причём настолько сильное, искреннее и яркое, что какие-то аналогии в отечественной литературно-философской традиции вряд ли вообще возможны. Степень пронизанности розановскими текстами просто какая-то запредельная, взгляд на описываемое строго личностный, интонации прямо-таки интимны, и при этом, что тоже немаловажно, всё крайне выверенно и виртуозно в самом высокохудожественном смысле. Никаких сомнений, что Розанов дал Галковскому очень и очень много. При таком глубоком проникновении в материал высока вероятность даже непроизвольного подражания, а уж если подобная задача ставится сознательно – например, как форма признательности и благодарности или же в виде пародии, – то становится интересной сама степень самоотождествления Галковского с Розановым, а также насколько тщательно стирались и стёрлись границы между авторами, выдержанность их тематики и стилистики, действительность общих философских интересов или же только стилизация этого и т. д. Одним словом, насколько Галковский удачно соответствует самому Розанову, возможна ли их хотя бы частичная взаимозаменяемость. Если уж совсем радикально, можно ли Галковского назвать современным Розановым. Попробуем в этом разобраться.

Конечно, первое, что обращает на себя внимание, – это структура произведения, само построение повествования. «Бесконечный тупик» – это типичный пример постмодернистского гипертекста, и уже в силу

этого роман является концептуальным. Система из 949 примечаний, отсылающих от одного к другому, приводящая в конечном итоге к Приложениям № 1, 2 и 3: «Закруглённый мир»; затем «основной текст», который, впрочем, необязателен, так как «не входит в основной текст моего произведения. Думаю, что эту часть вообще не следовало бы публиковать» [2, с. 1101]; и венчающее всю конструкцию «В чём цель жизни». Но это если читать традиционно, с начала книги. Сам Галковский определяет порядок иначе: «Структура моей книги триедина: 1. Вводная часть (“Закруглённый мир”). 2. Центр, давший название и всему произведению (“Бесконечный тупик”). 3. Примечания. Подразумеваемый вариант 4 части – это сам Розанов, так что одна из целей книги – своеобразные пролегомены к Розанову, плавный переход от “полного текста” к его полной разрушенности, от целого тома к рассыпанному вороху страничек, от “Закруглённого мира” к “Опавшим листьям”. После “опавших ветвей” начинается сам Розанов» [1, с. 9]. Почему именно так – тоже объясняется: «Первая часть книги – единство. Вторая – дешифровка первой и начало распада. Но единство страшным усилием воли ещё сохраняется. Третья часть – это распадение, деструкция, “осколки, рассыпавшиеся по ковру”» [1, с. 9]. Это, по мнению Галковского, есть попытка передачи русского мышления в его динамике, отсюда такая избирательно-продуманная последовательность в чтении.

С Розановым, конечно, всё не так. А.Н. Николюкин, имея в виду знаменитую философскую трилогию («Уединённое» и два короба «Опавших листьев», на самом деле больше – «Смертное», «Мимолётное», цикл «Сахарна» и «Апокалипсис нашего времени» тоже следует отнести сюда же), прямо отмечает: «Трилогия Розанова стоит за пределами того, что до тех пор называли литературой. Менее всего писатель стремился к созданию последовательной философской, религиозной или литературно-критической концепции. Принцип “бесформенности” превалирует в этих “случайных” записях, набросках “для себя”, составляющих трилогию и отражающих сам процесс мышления, что для Розанова существеннее любой законченной системы или догмы» [3, с. 273]. Тем не менее новое слово в русской литературе было сказано, можно говорить даже о новом жанре, состоящем из смеси внимания к мелочам и доверительно-исповедальном, если так можно выразиться, тоне повествования. Во всяком случае, нечто подобное можно усматривать и в «Дневнике неудачника» Эдуарда Лимонова, и в «Камешках на ладонях» Владимира Солоухина; определённая схожесть улавливается даже в «Мгновениях» Юрия Бондарева и «Затесях» Виктора Астафьева.

Вот эта принципиальная случайность записей Розанова, ломающая любую заданность и запланированность текста как целого, противостоит всей массе примечаний Галковского, каждое из которых снабжено порядковым номером и привязкой к другому примечанию, и так до бес-

конечности. Впрочем, «Бесконечный тупик» можно читать с любого места, привязка и нумерация у него условны и есть чистая формальность. Однако они есть. И если кто-то захочет прочитать весь текст в строгом порядке, то можно сыграть и в такую литературную игру тоже. Необязательно, но можно. Зато сходство обнаруживается на самом нижнем, элементарном уровне текстов: у Розанова – это отдельные записи-заметки, у Галковского – сами номерные примечания; в обоих случаях каждый раз это самостоятельный в смысловом отношении фрагмент произведения, иногда – коротенький, практически афоризм, иногда – довольно большой кусок, на пару-тройку страниц. У Галковского они – обязательные дополнения друг друга, у Розанова – нет. Зато Розанов частенько сообщает в скобках обстоятельства написания того или иного фрагмента: «(после чтения утром газет)» или «(Луга – Петербург, вагон)», или к чему относится: «(вагон; о церкви)», иногда проставляет даты и даже сам себя спрашивает: «(получил письмо от Г-на, что Сто-р перестал у меня бывать за мою “имморальность”, – в идеях? В писаниях?)». Но удивительно, что тексты Розанова, при всей своей отдельности, которую такие пометки вроде бы только подчёркивают, всё же воспринимаются не набором каких-то разрозненных словесных заплаток, а как единое и целостное произведение.

Как ни странно, но в этой пресловутой «бесформенности» его философской трилогии, составленной из вроде бы «случайных» записей, всё же прослеживается целый ряд скреплений, не дающих рассыпаться тексту в одиночно-хаотичные записи. Во-первых, это острое желание высказаться, и высказаться предельно откровенно. «Уединённое», например, начинается так: «Записанное всё накапливалось. И вот я решил эти опавшие листы собрать. Зачем? Кому нужно? Просто – мне нужно. Ах, добрый читатель, я уже давно пишу “без читателя”, – просто потому, что *нравится*. Как “без читателя” и издаю... Просто, так *нравится*» [4, с. 22]. Выказаться – значит покопаться в самом себе, разобраться в этом – опять же не для других, а для себя. Не надо угождать «читателю», захочет – сам поймёт и присоединится. Не захочет – его дело; полная свобода от литературной обязаловки, когда нужно принимать в расчёт других, а значит, так или иначе, быть неискренним. А если неискренне, то и высказываться необязательно.

Во-вторых, это ясное понимание того, что старые литературные приёмы и формы здесь не устраивают. Нужно что-то новое, нужно как-то иначе, нужно по-другому. Красноречивое признание: «Как будто это проклятый Гутенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушились “в печати”, потеряли лицо, характер. Моё “я” только в рукописях, да “я” и всякого писателя» [4, с. 24]. И очень подходящее по смыслу окончание, хотя и с другой страницы: «И литература сделалась мне противна» [4, с. 30]. С одной стороны, литература всё больше следовала шаблону (Николюкин говорит даже о предчувствии

Розановым наступления эпохи массовой культуры), с другой – газета, журнал, книга – все эти посредники между писателем и читателем, с их редакционной политикой, внутренними интригами, подковерной борьбой, не давали высказаться по существу, о самом важном. Найденная новая литературная форма такую возможность дала.

В случае Галковского мы имеем нечто похожее. На излёте советского времени возможность высказываться предельно искренне, в силу идеологического диктата в СССР, была исключена. Поэтому Галковский в конце 80-х сотрудничал в самиздатовских журналах. Правда, в 1990 г., по протекции В.В. Кожина, он устроился на работу в «Наш современник», но, учитывая политическую обстановку поздней перестройки, этот журнал, слывший оплотом консерваторов и реакционеров, по статусу и значению в те годы от самиздата отличался не сильно. Одновременно публиковался и в печати иного, либерального лагеря, что также роднит его с Розановым, сотрудничавшим, как известно, с изданиями самой противоположной направленности и неоднократно упрекавшимся в связи с этим в «беспринципности». В начале 1990-х Галковский обвинил российскую прессу в своей травле и бойкотировал книжные издательства, первое официальное издание «Бесконечного тупика» состоялось лишь в 2007 г. (опять же в собственном «Издательстве Дмитрия Галковского»), предшествовавшие издания романа тоже выходили самиздатом. И по сей день он, хотя и издаёт книги, но активно работает в Интернете. Это стояние особняком, не примыкая ни к одному из идейно-теоретических лагерей в нашей литературе, по сути – некая маргинальность, гарантирующая независимость, но и обрекающая на нападки справа и слева, это ведь тоже похоже на положение Розанова в тогдашней литературно-политической обстановке, хотя следует признать, что Розанов был всё же более гибок, так как умудрялся публиковаться всюду, где только было можно. Стремление избегать посредников между читателем и писателем, дающее взамен полную свободу и искренность во взглядах и высказываниях, как видим, роднит его с Розановым. Так что ничего удивительного, что литературная форма, изобретённая автором «Уединённого» и «Опавших листьев», оказалась в конечном итоге близка и автору «Бесконечного тупика».

Наконец, в-третьих, при всей вроде бы пестроте и разнообразии содержания заметок Розанов кружит всё-таки вокруг ограниченного количества тем: семья, литература, политика и религия. Этот достаточно хорошо очерченный круг интересов тоже «собирает» все разрозненные заметки-записи в единое целое, не давая им рассыпаться поодиночке. Затрагиваемые вопросы и проблемы перекликаются друг с другом, начинают играть новыми красками, усиливаются в своих смыслах и значениях, что стимулирует к другим мыслям и идеям на свой счёт, и так – до последней страницы. У Галковского, кстати, мы видим практически то же самое, просто более формализовано (номера и отсылки), но тоже – ограниченный ряд касаемых тем, пересекающихся и перекликающихся с

розановскими, но не совпадающими до конца. Да и раскрываются они уже иначе, и здесь сказывается разность личностей. Следовательно, здесь надо переходить от структуры произведений к их содержанию, которое во многом определяется авторским субъективизмом.

Главный вопрос Розанова – это вопрос семейный, именно здесь был фокус его действительных интересов; именно через призму проблем семьи он смотрел на всё остальное. Самая ёмкая и исчерпывающая формула его отношения к семье дана им в «Уединённом»: «Семья есть самая *аристократическая* форма жизни» [4, с. 60]. Его книга «Семейный вопрос в России» (1903) стала первым серьёзным философско-публицистическим исследованием этой проблемы. Семья, считал Розанов, у нас, как и в Европе, «полуразрушенное явление», тогда как на самом деле она имеет глубочайший религиозный смысл, ибо в рамках семьи осуществляется таинство деторождения, без которого невозможна человеческая жизнь. В семье биологическое смыкается с социальным, оставаясь всё же на первом месте и определяя всё остальное, ибо биологическое существование – первично. Это – фундамент, на котором зиждется всё.

А.Н. Николюкин очень точно пишет: «Великое значение имеет цепкость к жизни... каковая и нужна нации. Она зиждется не на бесплодных Татьянах, а вот на таких обмокших и усталых, всё “переступающих” ради детей женщинах» [3, с. 324]. Половой инстинкт, обуздываемый любовью – вот рецепт крепкой семьи, а раз крепка семья – то крепко и государство. Отсутствие любви рушит семьи, так как толкает к изменам супругов, которых ничто, кроме чувства долга, более не связывает, следовательно – семья становится формальной условностью, которая тяготит её членов. Кончается это плохо: разводы, незаконнорожденные (т. е. вне церковного брака) дети, разврат. Церковь делу нимало не помогает, относясь равнодушно-формально, препятствуя заключению и расторжению браков, да и, в общем-то, незаинтересована и даже недоброжелательна в отношении деторождения. «Акт рождения человека не благословляется церковью. Только очистительная молитва над роженицей смывает, очищает грех появления человека на земле. Не благословить человека в *момент рождения*, т. е. как *рождающего* и *рождённого*, значит, и самое *бытие* его не благословить», – заключает Розанов» [3, с. 335]. Поскольку половой вопрос, точнее – его решение, и определяет «цепкость к жизни», значит, он – ключевой для всей человеческой цивилизации.

Так вот у Галковского проблемы семьи нет вообще. С определённой натяжкой сюда можно отнести лишь образ отца, да и то если понимать его буквально. Но если не усложнять всё рассуждениями о рационализации социокультурной мифологии (а у Галковского указания на этот счёт есть), а просто помнить, что мы имеем дело с постмодернистским текстом, и не забывать о литературоцентричности автора, то под отцом понимается здесь русская культура, репрессивная функция которой выступает на первом ме-

сте. Недаром отношение отца к сыну – смесь самой настоящей, непритворной любви и утончённого до полной бессмысленности мучительства. Отсюда же и отношение сына к отцу – какой-то симбиоз нежного родственного чувства и брезгливого же от него отталкивания. Но это не «семейный вопрос в России», так волновавший Розанова.

Если же говорить о религии, то безусловно, Розанов – религиозен, но довольно своеобразно. Розанов не сильно жаловал христианство как доктрину и церковь как организацию верующих, ибо для него «Христос есть дух небытия, а христианство – религия смерти, апология сладости смерти. И вот религия рождения и жизни, проповедуемая Розановым, объявила непримиримую войну Иисусу сладчайшему, основателю религии смерти» [3, с. 410]. Понятно, что такое отношение у него шло от семейного вопроса, в котором к таинству рождения человека церковь была равнодушно-враждебна. Зато Розанов любил и относился с чрезвычайной симпатией к бытовой стороне православия – к службам, церковным праздникам, к священникам. А.Д. Синявский даже говорил о бунте Розанова против Бога – во имя Божие, считая что Бог внутренне совершенно неотделим от него и вместе с ним. Иначе для него и быть не могло, ибо Бог, как всё же учит религия, есть любовь, а обрядовая сторона религии есть традиция, и вот любовь и традиция как раз и скрепляют семейные узы лучше чем что-либо.

У Галковского же, поскольку семья – это пустой звук, отношение к религии совсем иное. Во-первых, он не очень-то часто на этот счёт высказывается в «Бесконечном тупике». А во-вторых, когда высказывается – слишком много философствует, вкладывает в религию чрезмерно много ума. Религия – это связь с Богом, где личный контакт есть дело второстепенное; священники здесь являются посредниками, и этого достаточно. В философии – наоборот, крайне важен личный контакт. При этом: «Религия и философия совсем разные сферы осуществления человеческой личности. Но с другой стороны, проблематика философии совпадает с проблематикой религии. В этом смысле словосочетание “религиозная философия” тоже абсурдно. Любая философия религиозна, поскольку она является философией. Точно так же, как любая религия философична, если это религия. Различно лишь осуществление – через веру и через разум. Вера – это контакт с бесконечным, разум – с конечным» [1, с. 165–166]. Атеизм, кстати, тоже религия; но отрицающая себя в качестве таковой. Получается так: религия – это опосредованный контакт с Богом, философия – непосредственный контакт с истиной. Но философ, утверждающий что он познал истину, сразу превращается в священника, уточняет Галковский. Следовательно, бог и истина есть одно и то же некое начало, в котором бесконечное сливается с конечным до полной неотличимости. Во всём этом слишком много ума, логики, последовательности и непротиворечивости. И слишком мало розановской бытовой естественности и простоты.

А вот литературу и политику не имеет смысла рассматривать изолированно друг от друга, и вот почему. Ведь цель статьи – это акцент на общем и различном в творческой методологии Галковского и Розанова, их взгляде на мир, подходах к проблемам и т. п., а не разница индивидуальных литературных вкусов или политических симпатий авторов, которая, безусловно, имеется. Например, Галковский весьма ценит Набокова, а Розанов, в силу понятных причин, о нём не мог даже и слышать, да и не только про Набокова это можно сказать. Общее же в их подходе то, что оба они придают русской литературе внятное политическое измерение, возлагая на неё часть вины, и очень значительную, на подготовку страны к революции и на духовный кризис русского общества, из которого она родилась.

Парадокс русской жизни, метко подмеченный Розановым, в том, что в общественно значимые фигуры, которым поклонялись и авторитетом которых клялись, попадало «искусство» – все эти литературные критики и писатели, журналисты и театральные деятели – Чернышевские и Добролюбовы, Короленко и Пешехоновы, Станиславские и Немировичи-Данченко, тогда как реальную жизнь обеспечивали одиозные, в общественном мнении, Клейнмихели и Аракчевы, не заслужившие ни одного хорошего слова.

Государство, как мы помним у Розанова, стоит на семье. И Розанов фиксирует внимание, насколько от неё далеки тогдашние «властители дум»: «Что такое “писатель”? Брошенные дети, забытая жена, и тщеславие, тщеславие... Интересная фигура» [4, с. 320].

О неразумно преувеличенном значении «прогрессивных писателей» он едко замечает: «Вообще у русского народа от многочисленных “спасибо” шея ломится. Со всех сторон генералы, и где военный попросит одного поклона, литературный генерал заставит “век кланяться”. Щедрина и Некрасову кланяются уж 50 лет» [4, с. 282].

Один из отцов-основателей революционного движения в России А.И. Герцен, которого, по словам Ленина, «разбудили декабристы», был ведь, по сути, писатель, и в качестве такового заслужил убийственную характеристику: «Общественная политика, роль *общества* в политике, его *сила* и *значительность* в политике – начнутся только тогда, когда оно почувствует мужество отречься от Герцена, и прежде всего не уважать в нём *литератора* (отвратительный тон)» [4, с. 334].

И, конечно, о Гоголе: «Величайшим из когда-либо живших на Руси политических писателей назвал Гоголя Розанов. “После Гоголя стало не страшно ломать, стало не жалко ломать” – это открытие поразило Василия Васильевича» [3, с. 254]. Гоголь указал русской литературе её «единственную тему – Россию», после чего пошёл, под видом критики и сатиры, огромный поток негатива на страну, общество, порядки, традиции и вообще всё святое и дорогое русскому сердцу.

Безусловно, Розанов пишет с позиций убеждённого монархиста и консерватора, ценителя славянофилов и К. Леонтьева. Высказываться в таком духе в то время могли очень и очень немногие, Розанов – мог. И это не поза «назло», это действительные его убеждения, выстраданные и продуманные, пропущенные сквозь мировоззренческое сито семейного вопроса и оригинальную самобытность ума. А что мы видим у Галковского? На первый взгляд – ровно то же самое. Про философа Вл. Соловьёва он роняет: «Соловьёв, так и чувствуется, не знает, что делать с этой глупой Россией, которая, как он считает, ему досталась. Куда бы её швырнуть? Владимир Сергеевич не понимал, что на самом-то деле не только она ему, но и он ей достался» [2, с. 634]. О высланных в начале 1920-х гг. русских мыслителях: «Они сами выбрали Советы во время войны. Без бердяевых климат эмиграции был бы здоровее. Не выше уровнем, но хотя бы здоровее» [2, с. 678], тем самым признавая и их вину (действительную или мнимую, но для него – несомненную) в победе коммунизма. По поводу известных строк Маяковского о том, что с Пушкиным после смерти они будут стоять на одних и тех же полках в библиотеках: «Стоять-то рядом, да на разных полочках. Пушкин на полке “Русская классическая литература”, а Маяковский на полке “Русская советская литература”» [2, с. 680]. О русской литературе XIX в. в целом: «Правдивость русской литературы. Ещё одна грань. Подойти к калекке и указать пальцем: “Калека!”» [2, с. 684]. Чехов без обиняков характеризуется им как предатель, перебежчик в либеральный лагерь.

Кажется, всё понятно. Под этими словами «Россия – литературная, бумажная страна. Литературные герои там оживают и начинают жить самостоятельной жизнью. Приём литературной критики: Онегин, Печорин, Чацкий, Беликов – живые люди, ПРИНЦИПИАЛЬНО не отличающиеся от реальных людей, от героев газетных очерков и фельетонов» [2, с. 707] вроде бы вполне мог подписаться и Розанов. Но не получается, есть между ними принципиальная разница. Галковский злее, и значительно. Он вроде бы тоже выступает врагом революции, консерватором и ненавистником либерализма и прогрессизма. Но как-то уж нарочито, с перебором. Частично это можно было бы списать на то, что Розанов предвидел последствия, но не увидел их воочию, а Галковский так яростен как раз по причине того, что увидел то, что он считает злом, в последствиях, т. е. уже состоявшимся. Но дело, кажется, всё же не в этом. И сам Галковский пишет об этом прямо.

В «Закруглённом мире» он много места уделяет главному творческому принципу Розанова – его знаменитой противоречивости. И говорит об этом со знанием дела. Отмечая удивительную целостность его мировоззрения, Галковский сразу же добавляет: «Это может показаться парадоксальным, так как сплошь и рядом Розанов по одному и тому же поводу высказывал диаметрально противоположные суждения» [2, с. 1082]. Розанов мог оценивать (и оценивал) одно событие с разных точек зрения,

более того – именно это и было его главным мировоззренческо-творческим принципом. Причём очень последовательно применявшимся. Вот пример объяснения его из диалога с воображаемым оппонентом:

«– Где же тогда истина?

– В полноте всех мыслей. Разом. Со страхом выбрать одну. В *колебании*.

– Неужели же колебание – принцип?

– Первый в жизни. Единственный, который твёрд. Тот, которым цветёт всё, и всё – живёт. Наступи-ка устойчивость – и мир закаменел бы, заледенел» [3, с. 9].

И ведь дело же не только в том, что в силу необъятности жизни мы способны иметь на предмет «1000 точек зрения». Мы меняемся, и меняется наш угол зрения тоже, и мысли устаревают, не соответствуют нам сегодняшним. Это нормально: «Не “мы мысли меняем как перчатки”, но, увы, мысли наши изнашиваются, как и перчатки. Широко. Не облегает руку. Не облегает душу. И мы не сбрасываем, а просто перестаём носить. Перестаём думать думами годичной давности» [4, с. 301].

Вот поэтому Розанов и противоречив, что мог понять всё, у буквально всего найти как светлое, так и тёмное. Именно это и придаёт его мыслям удивительную полифоничность. Потому он и мог с чистой совестью написать, что никому не «льстил» и ни под кого не «подделывался», и он никогда не кривил душой: «Правда, я писал однодневно “чёрные” статьи с эс-эрними. И в обеих был убеждён. Разве нет 1/100 истины в революции? И 1/100 истины в черносотенстве?» [4, с. 263]. Поэтому он мог ругать Гоголя – и при этом невероятно высоко ценил его художественное мастерство.

И вот этой-то розановской полифоничности и многогранности у Галковского как раз и нет. Он зол, суров и однозначен в оценках. Так что же – он тогда и более прост? Тоже однозначно так ответить трудно. При всей схожести тем и вопросов, их вроде бы внешней идентичности, мы видим и определённые отличия – например, отсутствие знаменитой розановской противоречивости, придающей мысли полифоничность, отсутствие серьёзного интереса к религии и её сближение с философией, нарочитый консерватизм. Структура романа постмодернистская, но при этом возникает, как у Розанова, из отдельных записей. Безусловно, Галковский ироничен. Это касается и его рассуждений о собственной гениальности, публичной декларативности её. В самом начале «Бесконечного тупика» он пишет о «Закруглённом мире»: «Что это? По форме – любовь к Розанову. По содержанию – глумление над ним» [1, с. 112], но никакого глумления в этом нет, наоборот – признание в любви, искреннее, пылкое и не имеющее аналогов. Скорее всего надо признать, что это постмодернистский роман, написанный как дань признательности сильнее всего повлиявшему мыслителю, частично имитирующий его тематику и стилистику, что подчёркивает игровой характер современной культуры. Но, пожалуй,

это – одно из возможных его прочтений, и далеко не единственное. Не менее верно будет и то, что это – довольно удачная и умная стилизация «под Розанова», сохраняющая кое-что внешнее и заметное, но наполненное своим содержанием; но это не Розанов. В конечном итоге степень действительной или мнимой пронизанности Галковского Розановым решать предстоит читателю, который, таким образом, становится прямым соучастником творческого процесса осмысления отечественного литературно-философского и исторического наследия, которое свершается для него всегда в настоящем, т. е. пока читается эта книга.

Список литературы

1. Галковский Д.Е. Бесконечный тупик: в 2 кн. М.: Изд-во Дм. Галковского, 2008. Кн. 1. 632 с.
2. Галковский Д.Е. Бесконечный тупик: в 2 кн. М.: Изд-во Дм. Галковского, 2008. Кн. 2. 608 с.
3. Николукин А.Н. Розанов. М.: Мол. гвардия, 2001. 511 с.
4. Розанов В.В. Уединённое. М.: Политиздат, 1990. 543 с.

DMITRY GALKOVSKY: ROZANOV'S METHOD

I.O. Maslennikov

Obninsk Chapter of Moscow State Physical Institute, Obninsk

This article is an attempt to understand D. Galkovsky's vision of philosophical views and methodology of V.V. Rozanov, to establish the reasons for his sustained interest in this extraordinary thinker of the Silver Age, as well as the degree of his correspondence to Rozanov's views and creative approach in his own literary practice.

Keywords: *D. Galkovsky, V. Rozanov, Russian philosophy, literature, Silver age of Russian culture, postmodernism.*

Об авторе:

МАСЛЕННИКОВ Игорь Олегович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук, Обнинский институт атомной энергетики – филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Обнинск, Калужская область. E-mail: igo9444@yandex.ru

Author information:

Maslennikov Igor Olegovich – PhD, assoc.prof. of the Dept. of Philosophy and Social sciences, Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering – Obninsk chapter of Moscow State Physical Institute, Obninsk, Kaluga region. E-mail: igo9444@yandex.ru